

Михаил Брод

КОРРЕСПОНДЕНТ

Фантазмагория

Михаил Юрьевич Брод

Корреспондент. Фантасмагория

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39445245

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-11362-6

Аннотация

Корреспондент желтой передачи становится причиной Апокалипсиса. Пока не все человеческое еще умерло в нем, он записывает свои воспоминания, попав в авиакатастрофу над тайгой. Что бы ни победило в его душе – добро или зло, он уже стал причиной роковых событий, приведших мир к его печальному концу. Судьба выбрала его. Фантасмагория на тему тотальной глупости, овладевающей миром, и неизбежной гибели цивилизации.

Содержание

Предисловие	5
Глава первая. Работа как она есть	8
Глава вторая. Анжела	25
Глава третья. Я получаю задание	38
Глава четвертая. Один в тайге	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Михаил Брод

Корреспондент.

Фантасмагория

Фотография на обложке – фотограф Максим Смирнов

«Братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы,

а по уму будьте совершеннолетние»

(1 Кор.14:20)

Предисловие

Наш рамный внедорожник в наступающих весенних сумерках пробирался разбитыми горными дорогами Алтая в отдаленную старообрядческую деревню. Кроме меня в машине была моя престарелая мать, мой редактор с женой, а также наш общий друг – старообрядец Миша Крылов. Смеркалось, Михаил знал здешние места, но мы все равно волновались, что не успеем дотемна. В деревне нас ждали. Глава районной администрации обо всем договорился по телефону. Мы предлагали ему поехать с нами второй машиной, но он отказался.

Это была не поисковая экспедиция и не телевизионный репортаж. Это была эвакуация.

По дороге сюда из Москвы мы насмотрелись достаточно аварий, езды без правил, частых перестрелок, закрытых и разграбленных магазинов и мародеров всех мастей. Пару раз ушли от погони. У нас был охотничий карабин «Вепрь» и помповый дробовик 12-го калибра Natsan Escort. Если бы не они, от преследователей мы бы вряд ли отбились. Патроны были уже на исходе. Есть ли запасы патронов в старообрядческой деревне – мы не знали. Радио бубнило о том, что подобный беспредел творился почти на всей европейской части России, а также в отдельных регионах Сибири и Дальнего

Востока. Подобная ситуация сложилась в Лондоне, Париже, Нью-Йорке, Брюсселе, Пекине и их окрестностях, а также на большей части территории США и всего цивилизованного мира. Люди сходили с ума повсюду, и эта эпидемия безумия стала той формой апокалипсиса, которую никто не ожидал.

Если бы ребенок мог только помнить коды доступа к ядерным системам, от мира уже давно ничего бы не осталось. Но, слава Богу, надежда была хотя бы в том, что человеческая глупость не всегда одержима самоуничтожением. Есть еще та глупость, что просто хочет жить, но жить в безумии и окружая себя безумием. То есть удовлетворяя свои самые первобытные инстинкты во что бы то ни стало. Таков стал этот мир не без моего участия. О, если бы я мог хоть как-то исправить ситуацию! Скромный корреспондент одного желтого телеканала в одной желтой бездарной передаче стал соучастником той цепи событий, которая привела теперь мир к его печальному концу.

И редактор этой самой передачи теперь сидел со мной в одной машине, зажав голову руками, и медленно сходил с ума. Скажи я ему теперь, что это я виноват в том, что творится с миром, он не поверит. Да он просто пошлет меня на три буквы... Да и кто поверит? Кто я такой, чтоб определять судьбы мира? Бог Вишну? Иисус Христос? Смешно! Я наговариваю на себя... Я же обыкновенный человек! Как я могу решать судьбу мира! Нет, то заложено было природой,

Богом самим, задолго до меня! То закон развития цивилизации, апокалипсис Библии! Что я? Тля, никому не нужная... Но почему через меня? Через меня прошел этот роковой поток событий, и ведь моя воля и мой поступок сыграли в этом всем и не последнюю роль, пожалуй. Нет, я виноват. Я это знаю, и никакие Библии и пророчества не вытравят теперь из меня это чувство вины.

Глава первая. Работа как она есть

А всего год назад я, Стас Прибылов, работал корреспондентом на телевидении в одной весьма популярной передаче «Смотри в оба». Рейтинговую желтуху было гнать несложно. Один залез голым на дерево и мочился на прохожих, другой перестрелял всех коллег на работе, третья научилась курить сигарету задницей. Людям это интересно, они это смотрят. Ругают, но смотрят, рейтинги высокие, реклама стоит дорого. Найти видеосюжет не составляло труда.

Я же давно в штате. Граждане звонят, координатор записывает, и я выезжаю со съемочной группой по адресу. Это когда-то я пришел желторотым стажером со своими 10 сюжетами, из которых отобрали один. Если бы тогда он не получил переходящей Кепки Лужкова, не знаю, где бы я потом работал. Народу у нас проходило много, по пятьдесят человек в день. Задерживались немногие – длинноногие девицы и талантливые корреспонденты. Я попал во вторую касту.

Помню свой первый сюжет – то была середина 90-х, время лихое и мутное. Начальники на ТВ были такие же лихие и мутные. Вот такой мутный был и у нас начальник – Юрий Давидович Кац. Отличался он всегда кислой физиономией и большим снобизмом. Ходил не спеша, держа под мышкой свой пухлый портфель с сюжетами и правками. Черные кудри на голове переходили в удлиненные виски, похожие на ба-

кенбарды. Циник он был большой и невзлюбил меня сразу, возможно, из-за внешности. Я составлял, кажется, ему полную противоположность. Кац любил окружить себя красивыми девушками, поупражняться в остроумии и пожурить какого-нибудь корреспондента за непрофессионализм. Вопрос нашей несовместимости был вполне понятен: альфа-самец в стаде должен быть один. Я на эту роль не претендовал, но Кац, конечно, видел во мне конкурента. В уютном болотце из долларов и девиц царствовать хотелось одному. Доллары мелькали тут прямой наличкой и в разных вариациях: и в конвертиках, и так – из рук в руки. Никаких касс и ведомостей я в то время там не наблюдал, не говоря уж о рублях. За сюжет платили пятьдесят баксов. Тогда это были хорошие деньги. Учитывая, что за месяц можно сделать сюжетов десять-двенадцать... Если бы один Кац определял всю политику передачи, то меня, конечно, не взяли бы. Но над Кацем был начальник, а это как раз мой знакомый, вернее, знакомый моих знакомых, которые меня к нему и привели. И вот этому начальнику мой сюжет понравился, так что Кацу пришлось проглотить горькую пилюлю, оставив меня на работе. Он, правда, постарался, чтобы сюжет мой вышел в день «профилактики» на канале, когда его в Москве не показывают. Так что посмотреть его ни мне, ни моим родственникам и друзьям не удалось. Но зато я перегнал его себе на VHS и дал посмотреть всем, кому надо. Так что Кац несильно мне насолил.

Сюжет был об одном грузчике в арбатском гастрономе, который когда-то пел в Большом театре, но потом уволился из-за низкой зарплаты и пошел прессовать мусор. Этого мало, он еще принялся обучать всех желающих итальянской манере пения – бельканто. И это у него неплохо получалось. Ученики к нему шли толпой, и за обучение он брал недорого. Много лет спустя в одном московском монастыре я встретил монаха, который тоже был его учеником. Маэстро звали Рафаэль. Может, он сам себе придумал такое красивое имя – не знаю, паспорт я его не проверял. Это был небольшого роста кудрявый армянин с чудными красавицами дочками 16 и 15 лет. Сюжет я снял на рабочем месте, прямо за прессовальным станком, куда он складывал коробки из-под мусора, опускал рычаг, и железный механизм сдавливал бывшую тару со страшной силой. Сам же Рафаэль в это время напевал высоким голосом арии из итальянских опер, если не как Паваротти, то как Зураб Соткилава.

Я не знаю, где увидели сюжет зрители, возможно, в других городах, но персонаж этот так всем понравился, что программу засыпали звонками и письмами. Пришлось дать сюжету приз – переходящую Кепку Лужкова, так он назывался почему-то, а Рафаэлю даже выдали какие-то деньги, не то подарок. Кепки Лужкова я так и не видел – видимо, она перешла с одного гвоздя в комнате редактора на другой, если вообще существовала. Но результат был – меня оставили корреспондентом, и это было главное!

А Кац со временем куда-то испарился, выпустил со свойственным ему цинизмом пару недоброжелательных сюжетов о властях и церкви. Пришлось переквалифицироваться в подпольщики. Вещал потом где-то за рубежом. Так что дорога расчистилась. Редактор пришел новый. Умный, деловой, практичный, побывавший в разных телевизионных болотах, и потому тертый и в меру циничный. Простая русская фамилия Блинов располагала к себе. Имя же, Эдуард, намекало на некоторую породу и умственный ценз. Он был полноват, лысоват, дело знал, говорил прямо и грубо, двуличием не отличался.

На кабинете его всегда висела табличка «Проси мало. Уходи быстро».

Со времен моего дебюта прошло 18 лет. Программы на ТВ обычно так долго не живут. Но наша – особый случай. Пережив несколько судов собственников и сменив пару названий и каналов, она по-прежнему продолжала заливать мозги сограждан тоннами желтизны и сплетен. Удивительно, но и Кац нашел свое место на одном из параллельных каналов – делал примерно то же самое, что и мы, только с гораздо меньшим рейтингом. Я был уже ведущим и корреспондентом одновременно. Ну, не хотелось мне сидеть в студии, нравилось ездить. Люди меня узнавали, я был популярен. Возможно, эта причина – мелькание моей физиономии на экране – удержала меня от соблазна сделаться телевизионным начальником в тиши кабинета, чтобы получать немного боль-

шую зарплату. Мне нравилось быть популярным. Люди считали меня «успешным». Кое-кто порывался сделать сюжет обо мне самом, но я тщательно избегал вторжения в мою частную жизнь.

Перебьются тем, что у них и так уже есть. Свою спальню и дом я оставляю себе.

В тот день я шел к Блинову, чтобы узнать его мнение о моих новых предложениях. Пару недель назад вышел удачный сюжет о психе, гулявшем в Сокольниках и зарезавшем себя на глазах у девушки в ресторане. Там в районе несколько психиатрических учреждений, и «тихие» больные выпускаются на улицу погулять. Один такой «тихий» догулялся до знакомства с девушкой, пригласил ее на кофе в ресторан, а когда надо было расплачиваться, воткнул себе вилку в глаз. Девушку забрала скорая помощь.

...Пройдя по коридору, я зашел в монтажку. Там сидел Ярик, полный и благодушный монтажер. Монтажеры мне нравились. С ними было легко общаться на своем собственном сленге, не оставлявшем ни малейшего сомнения в нашем общем веселом цинизме. «А ну, приклей-ка мне вот эту хрень на пару секунд!» – отдавал я команду. «Может, вот этого дятла еще дать?» – предлагал монтажер. «Да нет, – парировал я, – дятла подрежь, а эту стерву крашеную оставь!» Примерно в таких диалогах «о прекрасном» проходил и весь монтажный день. В итоге получалось довольно неплохо, живенько и интересно. А что еще нужно зрителю?! У нас ведь

не канал «Культура». Зато денег платят гораздо больше. Пусть кто-нибудь скажет, что мы были плохими людьми! Да душевнее и лучше коллектива я за всю жизнь не видал!

Некоторые сюжеты я делал как начальник для стажеров. Они снимали, а я контролировал монтаж.

Зайдя в монтажку, я глянул на монитор. В комнате, похожей на операционную, группа врачей склонилась над пациентом. Лица его было не видать. У одного из врачей в руке была пила-болгарка, он что-то усердно пилил, и искры сыпались во все стороны. Девушка рядом поливала сие дело водой из клизмы.

– Опять кто-то гайку на член одел? – спросил я. – Я смотрю, там процесс налажен уже, болгарочка...

– Там не только гайка, – ответил Ярик. – Там еще и подшипник какой-то! Во! – прокрутил он кассету вперед. Девушка показывала на ладони распиленные части втулки, сантиметра четыре в длину. Сухопарый мужичок лет за 50 нехотя встал с кушетки, надевая штаны. Девушка что-то радостно поясняла.

– Второй за неделю, – объяснил Ярик.

– Чего не сделаешь, чтоб стоял! – только заметил я философски. – С тобой делаем чего-нибудь сегодня?

– Диван-убийца! – отрапортовал Ярик. – Бабушку проткнуло пружиной от дивана!

– Кошмар! – сказал я и представил себе эту печальную картину. Может ли быть более дурацкой смерть? Почитал

на ночь «Лолиту» Набокова, спишь себе спишь – и вдруг пружина вонзается тебе в бок!

Впрочем, несколько таких дурацких сюжетов уже приходилось делать. Про всякие нелепости. Вспомнилось, как наш ветеран дружил с немецким. Волею судеб они сошлись уже после войны на какой-то встрече в Германии, стали переписываться, дружить. Наш приезжал к нему, а его приглашал к нам. Немец был спортсмен, до старости прыгал с парашютом, как в молодости десантником в тылы Красной Армии. Наконец, в 90-х Фридрих навестил своего друга. По просьбе гостя, они поехали на какую-то вышку прыгать с парашютом. Парашют у немца не раскрылся. Печально. Бедняга забыл, что парашют надо было прихватить с собой из Германии. Или сюжет про наших ветеранов, которым подарили на 9 мая носки. У пары из них не оказалось ног. Чушь, бред. И зачем подарили, и зачем снимать?

Последнее время я стал уставать от всей этой желтизны. Хотелось чего-то настоящего, стоящего, человеческого. Успех успехом, да, узнают. Но ведь надо и для вечности поработать! А что я сделал стоящего, для искусства, для людей? Не тех двуногих, что пялятся в желтые газеты и передачи, а для нормальных людей! Ведь у меня растет дочь, ей уже 15, скоро школу закончит, что она расскажет о своем отце? Как папа снял про бабушку, которую проткнуло пружинной от дивана?

Нет, конечно, я пытался делать и серьезные сюжеты.

Был цикл про бомжей, армия спасения, супы на вокзале и т. п. Но не пошло что-то у зрителя. Смотреть на неудачников никто не хотел. А ведь там были человеческие судьбы! А, кому это надо...

Недавно ехал в дождливую погоду на своем желтом Volvo. Стоит девушка у дороги, мокнет под дождем, ветер, дождь. Жалко ее, хрупкая нежная фигурка, на вид не больше 25, в туфлях на каблуках, белых колготках и черной кожаной юбке. Остановился. «Садись», – говорю.

Девушка села:

– Спасибо! – буркнула слабым голосом. Вода капает с волос. Черные глазищи, ресницы как ненастоящие, робкий вид.

– Куда везти вас? – спрашиваю.

Молчит.

Я остановил машину, повернулся:

– Какие-то проблемы?

Девушка уронила робко:

– Я работаю.

Я не понял:

– Работаешь где? Везти-то куда? Куда надо? Я подвезу!

– Я работаю здесь!

– В смысле?

Девушка улыбнулась:

– Ну, клиентов ловлю.

– Проститутка что ль? – догадался я. Девушка была ми-

ловидна и не похожа на проститутку.

– Ну да, – смотрела она на меня волчонком. – Занимаюсь любовью за деньги. Извините, я тут намочила, – заерзала она на сиденье, заметив капли, упавшие с мокрой одежды.

Я разглядывал ее с любопытством. Да, черты лица слегка примяты пороком, но не более обычного. Вероятно, она занимается этим делом недавно. Я не знал, что сказать. Наверное, она решила, что я ее снял.

– Послушай, – я смутился. – Я не знал, что ты...

– Да ничего, – сказала она обреченно. – Я выйду, – и взялась за ручку двери.

– Подожди, – остановил я ее. – Там же дождь, а у тебя даже нет зонта. Ты и так промокла. Заболеть хочешь?

– Да нет, спасибо, – поблагодарила она неизвестно за что. – Мне работать надо.

– Подожди, хоть дождь переждешь! Ты обедала сегодня?

– Нет еще.

Я прикинул, как занять ее время. Мне не хотелось так просто выгонять ее из машины.

– Хочешь, пообедаем где-нибудь, я угощаю. А потом продолжишь.

Девушка подумала секунду. Идти на улицу опять ей не очень-то хотелось. В машине было тепло и уютно.

– Хорошо, если вы такой добрый, – сказала она и посмотрела виновато.

Я тоже смутился.

– Да нет, я... Тут вот торговый центр, там и пообедаем.
Заодно куплю тебе зонт!

– Спасибо, – сказала она и первый раз улыбнулась.

Невольно улыбнулся и я.

Мы нашли неплохой ресторанчик на последнем этаже торгового центра. Сидели возле окна, так что можно было созерцать дождь. Я разглядел ее получше. Она была милостива. Большие глаза, черные локоны и белая кожа. Остатки косметики на лице. Легкие мешки под глазами. Звали ее Наташа.

– Откуда ты приехала? – спросил я.

– Из Белоруссии. А что? – она ела с аппетитом.

– Могу я спросить, почему ты этим занимаешься? Разве по нормальному нельзя?

– Это как? – зыркнула она, жуя.

– Ну, замуж выйти, на работу устроиться.

– Замуж как-то рановато, и для себя пожить хочется...

– А сколько тебе?

– Двадцать три... а по поводу института... вот накоплю и поступлю. Мне двадцать тыщ надо.

– Двадцать тыщ чего?

– Долларов! Институт Дружбы народов! Чтоб поступить на госотделение.

– Ох, и ни фиги ж себе!

– Ну да... – пожевала она. – Вот накоплю и не буду больше этим заниматься.

– А много еще копить?

– Много.

Я рассматривал ее и понимал, что объяснять что-либо этой современной девушке бесполезно. У меня растет дочь, переходный возраст. От этой идеологии моей визави легкий холодок бежал у меня по спине. Теперь, когда она вытерла лицо и расправила волосы, выглядела она вполне привлекательно.

– Как же ты работаешь? – спросил я. – Есть у тебя крыша, подружки?

– Я живу с подружкой. Квартиру снимаем. А крыши нет. Мы сами по себе.

– А, то есть принимаешь на дому?

– Ну, могу и к клиенту. За дополнительную плату.

– А родители знают, чем ты занимаешься?

– Нет, конечно, – она усмехнулась. – Я им говорю, что учусь в институте.

Видимо, она ждала, что я сделаю ей предложение – легкий перепах в машине или поехать к ней.

– А сколько ты стоишь? – поинтересовался я.

– Ну, час – сто долларов, ночь – четыреста!

– Сколько?! – чуть не выпал у меня стакан из рук.

– Четыреста, – почти про себя буркнула Наташа. – Есть и по восемьсот берут.

– Однако, – сказал я тоном Кисы Воробьянинова. Предлагать работу секретарши ей было бы странно. – Что, и сайт свой есть?

– Да не, моего личного нет, а так мои фотки есть на других сайтах. Но там агентству надо комиссионные за звонок платить. Конкуренция вообще большая! – она недовольно скривила лицо и вытерла себя салфеткой. – А вы-то кем работаете?

Для меня этот вопрос был несколько странный:

– А ты не узнаешь?

– Нет.

– Ты что, телевизор не смотришь?

– Нет. Вы кинозвезда?

– Ну, вроде того.

Дальше разговор продолжать как-то не хотелось. Тоже мне, «кинозвезда», снял проститутку на улице.

Я посадил ее в машину и отвез на то же место. Дождь закончился. Знаю, надо было заняться увещеваниями о спасении души, загубленной молодости и все такое. В конце концов, предложить ей какую-нибудь другую работу – корреспондентом, например, администратором на телевидении. Но ничего, что могло бы перебить четыреста долларов за ночь, мне в голову не приходило. Черт возьми, это еще кто из нас больше зарабатывает?! Проститутка голубых экранов, то бишь я, или работница горизонтального положения?

Впрочем, я ей сказал-таки, что работа, которой она занимается, – опасна. Никто не знает, какой маньяк придет к ней завтра, и что будет у него на уме. Мало ли освободившихся эзков и просто шизофреников – она же у них справки о ду-

шевном здоровье не спрашивает?!

Все это она выслушала с философским видом и вздохнула:

– Ну, значит, судьба такая...

Мы попрощались, и я ей оставил свою визитку.

Дорогой я размышлял об ее опасном ремесле. Что мне до нее? Мало ли этих проституток шляется по просторам столицы? Понаехали из всех городов. И убивают их, и кидают, а все без толку.

Об этом я и решил поговорить с шефом, когда направлялся к нему в кабинет. Сделать такой сюжет, чтобы общество обратило на эту проблему внимание. В конце концов, где-то в Голландии в квартале Красных фонарей стоит памятник проститутке. Сделать эту работу защищенной, легальной, как там, у них, – почему бы и нет? Хотя бы меньше смертей будет. Но нет, конечно, общество этого никогда не поймет. У нас страна православная, и проституток быть не должно. Жаль только, что они есть. С этими мыслями я и зашел в кабинет шефа. Он уже меня ждал.

– Проходи, садись! – кивнул он на кресло перед столом, не отрывая глаз от сюжетов, которые я ему накатал накануне. Он что-то черкал карандашом, то жестко и решительно – видимо, подчеркивал понравившееся, то делал какие-то пометки.

В такие моменты его крепкий череп напоминал мне работающего Лукича над «Апрельскими тезисами». Он также

покусывал карандаш и едва бросал на меня короткие взгляды.

– Ну, это мы делали... это тоже, а вот это интересно, это тоже ничего... Да! – поднял он на меня глаза. – Видел тут твой последний сюжет с психом в Сокольниках. Это, конечно, бомба! Аж мурашки по коже. Я знал, что там психушка, но, чтобы так вот по улице ходили... Кошмар! Представляю себе состояние этой мамзели!

– Да, ее потом скорая забрала, – подтвердил я.

– Ты вот тут про проституток предлагаешь, – насупился шеф. – А к чему мы можем тут призвать – граждане, не ходите в проститутки? Или не пользуйтесь их услугами?

– Я имел в виду постановку проблемы, – стал я объяснять. – Количество проституток слишком большое, никто их не охраняет. Угроза жизни постоянно. Открываешь любую газету – убийство, убийство... Вон, недавно из машины выкинули очередную проститутку с перерезанным горлом, прямо в центре Москвы...

– Это понятно, – перебил шеф. – Но, призвать-то к чему? У нас в конце программы призыв должен быть к чему-то, как здесь у тебя было: не выпускайте психов на улицу! А здесь что? Дорогие друзья, не ходите в проститутки, можете лишиться жизни и здоровья?! – Шеф взял паузу. – У нас свободное государство, каждый волен выбирать сам – идти ему в проститутки или нет. Есть спрос – есть и предложение! Таково общество, в котором мы живем. У меня программа

не о морали!

– Но ведь убивают, – пытался я возражать.

– И что? – уставился на меня шеф. – Они сами пошли на этот путь. Всем уже давно все известно. Нам бомба нужна, сенсация, понимаешь?

– Понимаю.

– А не о морали рассуждение, – вяло добавил шеф.

«Нет. Не похож он на Лукича, – подумал я. – Тот проституток уважал. На „Даме с камелиями“ Дюма младшего, говорят, плакал как ребенок. Впрочем, и сифилис мозга у него, вероятно, от них же».

Шеф немного лукавил, сюжет с убитой проституткой, особенно каким-нибудь зверским образом, был бы как раз наш сюжет – вполне в духе программы. Однако тут было что-то личное. Не хотел он трогать эту тему и пробуждать к проституткам жалость. Что ж, «жираф большой, ему видней». На то он и начальник.

– А все же, не мешало бы сделать что-нибудь серьезное, – заметил я философски.

– Слушай, Стас, – посмотрел на меня шеф внимательно. – Это возрастное, пройдет. Там у тебя диван-убийца, старик, вот это серьезно! Бабушку проткнуло пружиной от дивана!

– Слыхал, – махнул я рукой и поплелся в монтажку.

Вечером того дня я был на каком-то приеме в честь модного журнала. Там была симпатичная фотокорреспондентка Лена. В виде исключения я дал ей небольшое интервью, а она

мне свой телефон. Было весело. Я, правда, не пригласил ее домой.

Сейчас у меня был период вялотекущего расставания с моей третьей женой. Дочка-то была от первой и давно уже жила с матерью. Машунька, дочка моя, была та еще егоза! Все ей не сиделось на месте. Теперь вздумала в Америку по обмену поехать на год учить английский язык. Дай ей на это денег! Папаша у нее знаменит, значит, даст – а куда деваться-то? «Поехала бы в Англию, – говорю, – и гораздо ближе, и язык правильной, а то в Америку!» Со второй женой я развелся три года назад.

Третья, рыжеволосая Анжела, работала главным бухгалтером в салоне красоты. Из-за этой любви, рыжей бестии, я бросил жену Наташу. А Анжела ушла от мужа. Тогда мне казалось, что это любовь. Год мы были любовниками.

Я не смог изменять жене больше, да она и сама уже обо всем догадалась: поздние возвращения, смс-ки по вечерам, недоговоренности и холодная постель. Короче говоря, я просто сказал, что полюбил другую. Она так и спросила: «У тебя, что, есть любовница?» Я ей честно и ответил, что есть. «Ну и живите вместе, не скрываясь», – ответила жена, и я был ей благодарен за это. Милая, кроткая, замечательная женщина... еще долго я находил стопочки ее рецептов в шкафу, и аж дрожь пробирала, какая же она была хорошая! Но что делать, если страсть меня обуяла нешуточная? Честность, казалось мне, всегда лучше обмана. Тем более,

что со второй женой наши отношения давно уже переросли в дружеские. Переходить к святому браку без интима я еще был не готов. Она жила у меня, поэтому квартиру разменять не пришлось.

Глава вторая. Анжела

Анжела была красивой полногрудой шатенкой 35 лет. Я встретил ее на улице и просто шел за ней по пятам, замороженный ее походкой. Она меняла очередную работу и шла на собеседование. Ну, а я пристроился сзади, как какой-нибудь француз. Первый раз в жизни пошел за девушкой по пятам. Если бы я был ослом из «Кавказской пленницы», я чувствовал бы себя также. Сзади она была просто великолепна. Прямая спина, высокий рост, но не слишком – где-то 175, упругая походка, сильный и уверенный шаг на высоких каблуках и распущенные рыжие волосы. О, женщины! Учитесь правильно ходить. Одно это сводит мужчин с ума! В конце концов, на каком-то повороте я ее догнал. Лицо мне понравилось – красивое, с прямым, с небольшой горбинкой носом, слегка южное, украинское или греческое. Рыжая копна волос, обрамляющая высокий лоб, и большие карие глаза. У нее было мало времени, но, тем не менее, она дала свой телефон. А ведь она была в то время замужем!

Позже она поведала мне эту печальную историю, как тяжело ей было с мужем. Анжела же была женщиной вампирической. Где-то под южным солнцем произрастали ее предки. Я так и не прояснил до конца ее национальность, но что-то греческое, еврейское, или казачье, или армянское там точно было у бабушек и дедушек. Чтоб завестись, ей достаточно

было поцелуя или прикосновения.

Весь первый год был посвящен нашей бурной страсти, которая заставляла нас в самых неподходящих местах – то в кино, то в машине, то в лифте. А по-другому с ней и нельзя было! Общение наше проходило в жалобах на мужа. То руки у него неумелые, то он спит, пока она думает о супружеском долге. Мне было странно слышать признания о ее интимной жизни с мужем, я словно чувствовал, как подглядываю в замочную скважину. Как она хочет ребенка, но не от него, потому что ей «противны его гены». Поэтому у нее было два аборта. Мало того, она мне рассказывала еще и про своих любовников! И как она с ними проводила время... Я же не доктор и не священник, зачем она мне все это рассказывала? Да и потом, я ревновал! К любовникам, даже мужу, однако... я наглец! Но кто же ему виноват, что жена изменяла, если он спал, пока такая женщина пыталась его расшевелить! Ну, не идиот? Не проще ли было объесться виагры и хоть как-то, хоть раз в жизни, но по-настоящему ее удовлетворить?! Нет, он этого не понимал. Он продолжал тихо посапывать по ночам сном праведника, пока его красавица-жена пыталась пробудить в нем хоть какие-то чувства! Впрочем, может, он и был святой! Глядя на его изображение в ее телефоне, я испытывал смешанное чувство жалости и дискомфорта, от которого хотелось поскорее избавиться. Он-то наверняка ее любил, дарил подарки, готовил ужин, просто наскучил ей, и все! Как, возможно, когда-то наскучу и я...

Я же оставался закоренелым грешником. Чужая жена не давала мне покоя. Но ведь так складывается половина супружеских пар на земле! Что бы не говорили моралисты, но кто-то у кого-то уводит жену или мужа, а потом они счастливо живут! «На чужом несчастье счастья не построишь»... о, еще как построишь! И строят, и в ус не дуют! Но только это не в моем случае.

Меня «шевелить» ей не приходилось. Правда, говорить нам было практически не о чем. Сфера искусства и литературы выпадала напрочь, так как, если она что-то когда-то прочитала художественного, то все давно испарилось. Классическое искусство, музыка, литература и живопись были вне сферы ее интересов. С фильмами было примерно то же самое. Она все скидывала мне ссылки на какой-то унылый юмористический американский сериал чуть ли не 40-х годов, но я так и не удосужился его посмотреть. Чаще всего мы обсуждали достоинства ее внешности или проблемы на работе. Если она заходила в метро или общественное место, все мужчины обращали на нее внимание. Сексуальность эпохи Возрождения – не та тощая, современная, вульгарная и вешалочная, а полнокровная гармоничная сексуальность итальянских донн и матрон, позировавших Леонардо, Веронезе и Тициану – вот был ее конек, и за это можно было вытерпеть все! С нее надо было писать портреты, ваять скульптуры, делать бесконечные фотосессии! Ее муж никогда не ценил эту возможность, просто научиться ее цело-

вать... Что касается фоток, даже и для себя, то это была запретная тема. На это она не шла из соображений «конспирации». Никаких фривольных изображений – ни для себя, ни, тем более, для сети, даже когда мы, наконец, поженились.

Больше всего ее занимали вопросы собственного благополучия. Станет ли она финдиректором или нет, и какая статистика в мире на этот счет по поводу женщин. Оказывается, женщин-финдиректоров у нас было всего 5%! И все годы нашего общения она постоянно навязывала мне литературу об успехе из серии «я случайно нашел маленький золотой прииск, а потом продал его за 100 миллионов долларов». Где только они находят все эти золотые прииски, я не знаю?!

Нет, она была очень заботлива! Ее так заботила моя карьера! Она считала, что я не раскрыл свой потенциал, и ведь правильно считала! Я благодарен ей за это, за ее доброту, внимание. «Лучший мужчина в мире – это женщина» – как правильно сказал, опять же, какой-то француз. Мы, мужики, слишком ленивы. Нас надо постоянно понукать и расталкивать, чтобы мы элементарно стали сами собой. А кто лучше женщины справится с этой задачей?! Однако, литература про «успех» меня просто удручала. Особенно мне нравилось: «Ты только подумай об этом, и это непременно произойдет!» Сколько бы я, например, не визуализировал плоский живот, мой предательски оставался слегка округлым. Нет, спортом я занимался... раньше. В последнее время катастрофически стало не хватать времени. И даже мои

преданные поклонницы говорили мне об этом: «Ты запустил физическую форму». И хоть это никак пока не влияло на потенцию (да и кто признается, что влияло?), тем не менее, к молодым атлетам меня отнести уже было сложно. А молодые львы ведь не спят! У меня были другие преимущества, я знал об этом, но молодость...

Тебе одному, дураку, кажется, что ей не с кем тебе изменить: лучше, умнее, красивее тебя просто не может быть! Но вот, тебе уже 45. И в один день, провожая ее на очередные занятия по танцам – а это была кизомба, она, не доходя метров сто до входа, начинает с тобой прощаться. И в этот момент ты видишь вертлявую задницу танцора, который младше тебя лет на 10, и он бросает на нее огненный взгляд, а она поспешно отстраняет твою руку от своей талии. О, святые угодники! Так вот оно что? Дотанцевались, значит? Завела себе любовничка? Я мягко интересуюсь: «Это что, твой партнер?». «Да, у меня их несколько, не помню, как этого зовут...» Взгляд потуплен, смотрит вниз влево, легкий румянец на щеках. Вот так-то! А ты как думал? Это тебе 45, а ей-то всего 35, а так и было моей Анжеле! Ты думал, что это тебе *всего* 45, а ей *уже* 35 – а вышло-то все наоборот! А ведь эти танцоры те еще шныри – так и норовят залезть к кому-нибудь в трусы. Благо, танцы для этого как раз располагают!

Кизомба, кизомба... что еще за кизомба такая, почему я не интересовался раньше? Когда она сказала, что собирает-

ся записаться на танцы, я махнул рукой – это не для меня. Со временем пришлось посмотреть на ютубе на этот разврат. Боже, они трутся друг об друга грудью, ее колено у него между ног, а движения-то, движения... да это половой акт какой-то! И куда я раньше смотрел? Вот тебе и «смотри в оба»!

Если ваша женщина записалась на танцы без вас, ждите, скоро вырастут рога. А почему, собственно, я не записался? Ведь она предлагала! Представить себя с вертлявой задницей? О, нет! Это не мое! Лучше пойду на тренажеры, сгоню жирок, потягаю тяжести. Да я ножи бросаю в дерево с одиннадцати метров! Штангу жму 110 килограмм! А надо было смотреть за своей женщиной! Так что это не я ей дал отставку, а она мне по факту. И действительно, у каждой красивой женщины в тридцать пять может быть молодой любовник гораздо моложе нее! Об этом так часто забывают мужья, думая деньгами купить их благосклонность. Нет, природу за деньги не купишь! У нас в 40 лет виски и диван, а у них «кизомба». За такой «кизомбой» надо бегать, как волкодав, и пресекать малейшие попытки. А если что, еще и дать по мозгам хорошенько. И я еще радовался, что так сэкономил время взаимного общения! Пассия пошла на танцы, а я могу и с друзьями встретиться, и на интересный мне фильм сходить, и спортом позаниматься! Просчитался. Я стал ей не интересен.

Впрочем, мужчина всегда во всем виноват сам. Никакая женщина не уйдет, если ты во всем пытаешься соответствовать ее вкусам. А если не во всем... Холодок стал между на-

ми везть как-то сам собой. Когда из всей поездки в Прованс она вспоминала только то, какие красивые были цветочки у гостиницы, а от номера с плохим видом поначалу расплакалась так, что пришлось менять на другой, – тогда меня это насторожило.

Следующая поездка во Флоренцию лишь усугубила мои опасения. Там, где сама природа создана Богом, чтобы увековечить эту красоту на холсте, она вспоминала лишь еду. Где и как мы вкусно поели. Это, конечно, хорошо, но, родная, как насчет природы, наша поездка в Пистойю на свежий воздух, ночевка в домике фермера?! Собственноручное приготовление пиццы! Нет, лишь меню в каком-то городском ресторане было удостоено запечатления в новеньком айфоне, который я ей подарил. И то потому только, что каким-то дурацким смешным словом там назывался один из десертов – «дурилло»! Возможно, она не могла высказать того, что видит, того, что понимает? Сидели же мы с ней подолгу на террасе гостиницы, разглядывая холмы Тосканы с дымкой на горизонте... И, право слово, я больше смотрел на нее, чем на эти самые холмы. Тогда мне казалось, что она родилась в этом пейзаже.

Было еще одно, что возводило между нами препятствие. Она, как переходящее красное знамя, нравилась всем мужчинам. Меня это настораживало, а ее нисколько. Она считала это своим естественным атрибутом – нравиться мужикам. Так как она постоянно ходила на массаж или фитнес, или

курсы английского языка, рассказы о постепенно сходящих с ума массажистах, инструкторах и преподавателях заполняли наш досуг. Я сам живо интересовался, как тот старый индус-массажист, который хвалится своей женой и детьми, еще не перевозбудился от усердного массирования?

– О, да! – отвечала она весело. – Как бы невзначай начал трогать мою грудь. То локтем заденет, то рукой проведет.

– А что преподаватель по английскому, тот шотландец на Чистых прудах?

– Начал вдруг на меня орать сегодня, что я не могла ответить на вопрос правильно. Затем оставил меня после занятий, долго извинялся, краснел, в итоге признался в любви.

Все это вызывало у меня веселье до поры до времени, а у нее легкую усталость и иронию.

Раздражало ее только, когда начальник на работе паялился на нее часами. Брели ее на работу легко, точно так же, как легко она ее теряла.

Ввиду некоторой неадекватности почти каждой красивой женщины, рано или поздно она допускала какой-нибудь непростительный ляп в финансовых документах, после чего на нее ополчалась вся женская часть того заведения, где она в данный момент работала. В одном месте она забыла вовремя сдать налоговую отчетность, просто выбросив ее случайно в мусорное ведро. В другом – в договоре приписала к цифре долга предприятия лишней ноль. Предприятие торговало антиквариатом. Начальник в тот день позвонил вече-

ром и поинтересовался вежливым тоном, сколько же все-таки он должен банку – 200 тысяч или два миллиона? Когда выяснилось, что все-таки 200 тысяч, начальник попросил, опять-таки вежливо, больше так не делать. Даже не попросил, а спросил: «Дорогая, ведь ты же не будешь больше так ошибаться, правда?» Конечно, он был в нее тайно влюблен. Если ей не нравилась ее помощница, та немедленно изгонялась. Удивительно, но помощницы ей не нравились всегда, и всегда с ними была какая-то возня. Точно такая же, как и с вышестоящими дамами, если таковые оказывались. Например, жены начальников.

У этого начальника с антиквариатом тоже была жена, которая и организовала для него этот бизнес. Продать какую-нибудь китайскую вазу раз в полгода за миллион рублей или ковер за полтора – вот и весь бизнес.

– Что же ты там делаешь? – интересовался я у нее.

– Занимаюсь финансовой отчетностью, бухгалтерией.

– Это я понимаю, но у вас почти ничего не продается! Какая бухгалтерия?

– Поэтому я и работаю 4 часа в день!

Удивительно, что при этом зарплату она получала почти такую же, как я. Что ж, меня это только радовало! Правда, почти все деньги она откладывала на какой-то загадочный мастер-класс по серфингу на Бали, куда так и не удосужилась съездить, со мной во всяком случае.

– Зачем тебе серфинг? – спрашивал я. – Ты же совершен-

но для него не подходишь! Там нужны тощие и жилистые, а ты девушка в теле – просто будешь смотреться смешно на этой доске и постоянно с нее падать!

– Я лучше тебя знаю, что мне надо! Не ломай мне мечту!

Видимо, она визуализировала себя вертлявой гимнасткой, хотя была Тициановой Венерой. Борьба с лишним весом шла у нее сурово, но до тех пор, пока она не приносила коробку здоровенных пирожных, каждым из которых можно убить человека, если хорошенько подсушить лакомство. Обычно это было до фитнеса или сразу после него.

– Сегодня я потратила восемьсот калорий, – говорила она, – мне можно.

Или:

– Сегодня я иду на фитнес, будут групповые занятия, так что мне нужно запастись калориями. – После чего половина пирожного исчезала в ее немаленьком рту. Где она брала эти гигантские пирожные – я не знаю, я таких никогда в жизни не видел, но каждый раз они были одни и те же: розетки с кучей крема и какой-нибудь клубникой посередине.

В общем и целом, вес ее или не изменялся, или колебался в обе стороны равномерно.

Работу, как я упомянул, она находила так же легко, как и теряла. Каждый раз начальники там были женатые «сусики», как она их называла. Это мужчины средних лет, добившиеся успеха в бизнесе, часто нацмены или мужья бизнес-леди и папиных дочек. Они не представляли большого

интереса как самцы, так как находились под каблуками своих жен. Зарплаты, однако, они клали ей немаленькие.

– Вчера была в одном салоне, – рассказывала она, – сусик усталился на меня на собеседовании, какую зарплату вы хотите? Я говорю, это зависит от объема работы, на прошлой я получала 100—120... Он говорит, вы подумайте и скажите мне в следующий раз, когда ознакомитесь с делами.

Через неделю я спросил ее:

– Какую же зарплату тебе дали?

– Ну, я подумала и сказала, что вообще-то ездить очень далеко. Он предложил сто пятьдесят, я согласилась.

Я молча сглотнул слюну. Это кто-то говорит, что красивым женщинам не везет по жизни и трудно устроиться на работу?

Естественно, тут же начались претензии других дам, как например, главбуха, которая получала 80 тысяч, и коммерческого директора сети этих салонов, которая получала те же 150 тысяч. Должность Анжелы также была неопределенной. «Финансовый советник» – так она называлась официально, но фактически, она считала, что работала финдиректором или фиником, чем очень гордилась. Наконец, она добилась своего.

Сусик устроил свой кабинет напротив нее, и в обоих кабинетах сделал стеклянные двери. Периодически он посматривал, как она сидит за своим столом, прямо напротив него через коридор, и игриво изгибал бровь. Частенько он вызы-

вал ее к себе и подолгу о чем-то расспрашивал, непрестанно лапая ее глазами снизу-вверх и обратно. Она одевалась строго в черно-белую гамму и была в туфлях на каблуках. Рыжие волосы аккуратно зачесаны назад. Посмотреть, конечно, было на что. Чем она занималась, не совсем все понимали, но, когда она выбросила в мусорку налоговую отчетность за квартал, в офисе усилился ропот. Некрасивая жена сусика сидела в кабинете рядом и каким-то образом все это терпела. Избавиться от Анжелы удалось только через полгода, когда выяснилось, что салон почти разорен, и ее перевели работать на дом с половиной зарплаты. Ну а вскоре фирма окончательно закрылась. Так ей, по крайней мере, сказали, чтоб уж не платить ничего.

Я хоть и разорен не был в финансовом смысле, но в моральном – да. Пережить измену с танцором я не смог. Я планировал подарить ей маленький желтый Volvo, который взял почти за два миллиона рублей с доплатой в кредит, и на котором она активно рассекала последние полгода.

Теперь мое воображение рисовало картины измен моей жены, возможно, даже в этой самой машине! Представляю, как этот вертлявый гад выделывал разные па на заднем сиденье! Пережить этого я не мог. Машину я отобрал, и с Анжелой пришлось расстаться. Я не настолько любящий муж, чтобы терпеть измены. Она ушла безропотно, прекрасно осознавая свою вину. Не зря же она сказала недавно: «Мне с тобой неинтересно!» Это был уже верный признак измены, но то-

гда я еще не придал этому значения. Предстояло перевезти какие-то оставшиеся ее вещи.

Женщина есть дверь, в которуюходишь один раз в жизни. В данном случае пришлось выйти обратно – ошибся комнатой, извините! Не туда зашел!

Теперь вечера мне скрашивал дорогой алкоголь, хорошая музыка и хорошие фильмы. От одиночества я не страдал. Мой телефон пестрел от имен красоток, некоторые из которых могли и приехать. Но ведь не жиголо я какой-нибудь! Каждая из этих женщин хотела любви и счастья. И я это понимал. А моя настоящая любовь, где она? Может эта та Наташа из Белоруссии, которой надо 20 тысяч долларов для поступления в институт? Или эта фотограф Лена, которая предлагала дунуть кокса в тот вечер? Жаль, Наташа сейчас зарабатывает свои 400 долларов за ночь, а я пугаю соседей тяжелыми рифами своей электрогитары. Джульетта стала проституткой, а Ромео – стареющим алкоголиком с нереализованным творческим потенциалом и увеличенной печенью. Надо было еще позвонить дочке и договориться о встрече. Операция «забор денег у папы» была назначена на следующий день в 17.00.

Глава третья. Я получаю задание

На следующий день я писал очередной выпуск «Смотри в оба». Съемка была выездной.

Работали мы с Московской службой спасения. Они регулярно поставляли неплохие сюжеты, так что не приходилось подолгу выбирать из звонков телезрителей.

В то утро я вместе со своим оператором Васей мчал на камервагене в направлении очередной «сенсации».

– Что снимаем, товарищ Пазолини? – спросил я Васю, добродушного одутловатого парня лет 35. На лице у него было написано – «холостяк, но ищу невесту».

– Говорят, товарищ Феллини, что какой-то хрен залез в шкаф на предприятии и не хочет вылезать! – отрапортовал Вася, улыбаясь.

– Почему же он не вылезает? – поинтересовался я.

– Понимаете, коллега, тут есть два варианта: либо не может, либо не хочет!

– Понятно, – согласился я глубокомысленно.

Через какое-то время спасатели уже ломали шкаф в раздевалке завода электроприборов «Спектр».

Вася настроил камеру, нацепил на нее свет, и мы подошли к шкафу.

Я начал свою обычную подводку. Пока ломали дверь, оттуда доносилось невнятное бурчание.

– Ну, где красавец? – спросил уже я, с нетерпением глядя на шкаф.

Дверь отворилась, наконец, в ней сидел похожий на Рабиндраната Тагора старик в спецовке, от него изрядно разлило вином. Часть бутылки он уже проглотил, вторая, пустая, стояла у его ног.

– Заперся, гад, со вчерашнего вечера. Надрался, видать, а вылезти не может! – пояснил щекастый небритый коллега с чувством оскорбленного достоинства. – То-то я смотрю вчера – куда две бутылки портвейна делись?

Рабиндранат, которому сейчас больше подходила фамилия Кагор, лишь вяло промычал: «Я пьян, как фортепиано».

– А вот мы его сейчас. Эй, живой?! – хватанул его спасатель за шиворот и выволок из шкафа. Второму пришлось придерживать старика. – Что же ты, дядя? Так и задохнуться можно!

– Я пьян, как фортепиано! – снова пробубнил Кагор, патетически поднимая палец вверх.

– Ну, что, родимый, – спросил я, – не надоело безобразничать-то? Коллеги ведь смотрят!

Рабиндранат уставился на меня вялыми коровьими глазами:

– Как фортепиано! – повторял он.

Он напомнил мне длинный ряд алкашей, встретившихся мне на жизненном пути. Настроение мое резко испортилось. Я понял, что интервью не получится. Что-то отшутился

перед зрителями о плохих электроприборах отечественного производства и низкой производительности труда.

Мы рванули на следующий объект.

У дверей квартиры обыкновенного подъезда в спальном районе стояла тетка крепкого телосложения в окружении спасателей.

– Давно звоним? – спросил один из них.

– Да час уже стою! – ответила она зло.

– А вы уверены, что муж дома? – поинтересовался другой спасатель.

– А на собачку кто закрыл, Пушкин?

– Ну, так что, будем ломать замок? – предложил первый.

– Ломайте! – с металлом в голосе произнесла женщина.

Парни взялись за инструмент. В этот момент за дверью послышались пререкания, в двери что-то заскрежетало, и она тихонько отворилась. На пороге появилась пышнотелая блондинка лет тридцати. В глазах у нее стояли испуг и побитость. Шевелюра была слегка растрепана.

Тетка сразу сообразила, в чем дело, тем более, что на раздумья у нее был целый час:

– Ах, ты шалава... А ну, пошла отсюда, проститутка! Шалава крашенная! – Тетя вцепилась ей в волосы, та завизжала, но отцепиться так просто не удалось. Когда тетка начала прикладывать ее сумкой по голове, в драку ввязались спасатели, пытаясь разнять дам. Вася все это методично снимал, а муж спокойно наблюдал, стоя в прихожей у стены. Нако-

нец, блондинка, получив очередной удар сумкой по голове, протиснулась мимо жены на лестницу и устремилась вниз.

Пузатый муж в трениках по-прежнему флегматично стоял в коридоре, опершись о стену.

– Ну, кобель, с тобой мы потом поговорим! – сурово прошипела жена и, молча проходя мимо него, хладнокровно провела отличный апперкот прямо в челюсть муженька, после которого тот медленно начал сползать по стене. Спасатели почувствовали, что сейчас им придется спасать еще и мужа, поэтому поспешили ретироваться.

Мы с Васей не терялись, и я влез на крупный план:

– Вот такие курьезные ситуации происходят иногда с нами на выезде! – отрапортовал я. – Ну, говорить с супругами сейчас бесполезно. Попробуем догнать ту девушку, которая только что вышла из этих дверей.

Мы с Васей устремились за ней. Она ускоряла шаг.

– Извините, девушка, – закричал я, – одну секунду! Вы не могли бы ответить передаче «Смотри в оба», чем вы там занимались?

Иногда сам удивляюсь, насколько идиотские вопросы приходится задавать. Она молчала.

– Скажите, пожалуйста, – я не унимался. – Вы проститутка или так, по знакомству?

Девушка закрыла лицо руками и так, не глядя перед собой, продолжала спускаться.

Какое-то бурчание и сопение послышалось из-за закры-

тых рук, и все, что удалось расслышать, было то слово, которое пишут на заборе в винительном падеже. Очевидно, нас послали по этому адресу. К тому же, девушка сопела носом и всхлипывала.

Мне стало ее жаль. Я остановил съемку, махнув Васе рукой, чтоб он ее не преследовал, и лишь сказал в камеру:

– Что же, и здесь, очевидно, разговора не получилось. А мы сматываем удочки, дорогие телезрители! Вы все видели сами, так что делайте выводы! Мужья, берегите челюсти и изучите рабочий график жены, чтобы не попадать в такие ситуации!

После съемок я поехал на встречу с дочкой.

Если кто соскучился по отборному русскому мату, советую постоять у московской школы. Я припарковался как раз возле небольшой группы школьников, где говорили только девочки. Их ангельские язычки источали такие рулады, что у меня, выдавшего и слышавшего всякое, уши начали медленно опадать, как у слона, и заворачиваться в трубочки. «Пожалуй, так же разговаривает и моя дочка, – смекнул я, – когда взрослых не видно. – Хорошо, что она хоть куда-нибудь уедет, там ведь не будет этого окружения».

Она выпорхнула из школы и сразу направилась к машине, увидев меня издалека. Впрочем, по дороге задержалась с кем-то перекинуться парой слов. В конце концов, она махнула собеседнице рукой и направилась ко мне.

Ее светлые волосы развивались на ветру. Мальчики уже

обращали на нее внимание. Она тянулась вверх, как березка, занималась танцами и тайским боксом. Голубые глаза ее были распахнуты широко в мир, и все лучшее ждало ее впереди. Удивительное сочетание цинизма, ума приспособленцев и детского романтизма – вот что меня настораживало в подрастающем поколении.

– Привет, папуль! – сказала она и плюхнулась на переднее сиденье, чмокнув меня в щечку. – Это тебе! – Она протянула мне розовую коробочку. – Нанотрусы! С прошедшим тебя!

У меня был недавно день рождения, и подарок был кстати. Я, правда, не понял, что она мне дарила! Поблагодарив, я взял коробочку и прочитал:

«Уникальная, не имеющая аналогов конструкция. Специальное отделение со щелевым отверстием образует выносной карман для комфортного расположения в нем мужских гениталий. Понижает температуру мошонки на 2—3 градуса, что способствует выработке тестостерона...» Я смекнул, что это был скорее подарок от ее матери, моей первой жены Марины. Однако... конечно, это был такой едкий юмор, намек на мои похождения! Но я не стал развивать эту тему перед Машей.

– Это нанотрусы?

– Да, новейшая разработка! Я заказала на интернет-сайте специально для тебя!

– Спасибо, радость моя. Не знал, что этим Чубайс занимается! – Я погладил ее по голове несколько неуверенный

в том, что именно этот подарок я и ожидал. – Как прошел день?

– Отлично! Мне еще на тренировку вечером. У тебя есть план?

Собственно, план был передать ей 900 долларов и отвезти домой.

– План... – пробубнил я. – Домой тебя отвезти, наверное, ну, а по дороге мы решим наши общие дела!

– Тогда поехали!

Проездом я поинтересовался, что она читает. Интеллектуальное развитие дочери я иногда контролировал.

– Достоевского!

– Кого?

Примерно такая реакция была у моего первого репетитора при моем поступлении на журфак, когда он поинтересовался, что я читаю. Я был желторотым 17-летним юнцом. Дома у нас стояли целые собрания сочинений в красивых корочках, которые мои родители доставали по подписке. Были среди авторов и совсем экзотические.

– Аристотеля! – гордо произнес я тогда.

Репетитор хохотал минут 5.

Я же лишь слегка испугался, услышав ответ о Достоевском.

– И что же именно?

– Сейчас «Братья Карамазовы», – равнодушным тоном произнесла она.

– И что, понимаешь что-нибудь?

– Ну да... Но, вообще, мне больше понравился «Вечный муж».

– А это еще что? Тоже Достоевский? – Я обнаружил свою полную неграмотность.

– Ну да, – посмотрела она на меня удивленно. – Очень интересно. Только это не по программе, а так... мама посоветовала.

– Да ладно! Наверняка про какого-нибудь пройдоху, ушедшего от жены?

– Пройдоху – это точно! – лукаво глянула она на меня. – Только не от жены он ушел, а чужую соблазнил. А потом ее муж пытался его зарезать, только у него не получилось.

– Печально... То есть хорошо, что не получилось, – выдохнул я и представил лысеющего заспанного автодилера, бегущего за мной с топором. – Не рано тебе такое читать? – все еще с испугом в голосе спрашивал я.

– Да не! – весело ответила дочь. – Мы уже Маркиза де Сада всем классом вслух читали! Смешно!

– Кого?? – спросил я на этот раз с нескрываемым ужасом. – У вас что, и это проходят?

– Не, это факультативно. Так, больше из любопытства! После уроков собрались и читали. Ну, так, компанией человек десять на ВДНХ!

Довезя ее до дома, я уверенно протянул ей девятьсот долларов. Ее решение уехать куда-нибудь подальше показалось

мне теперь вполне обоснованным и верным. Кажется, Америка не такая читающая страна.

А вечером позвонил шеф и произнес интригуяще:

– Есть интересная работа!

– Ну-ну, – сказал я без энтузиазма, – что на этот раз?

– Ты же хотел серьезную работу? Вот тебе журналистское расследование! Отчего бьются наши самолеты! Сегодня упал еще один в области Тунгусского метеорита.

– Где?

– В Сибири! Красноярский край, 500 километров к северу! Внезапно пропал с радаров и упал самолет местных авиалиний. 26 трупов, одни загадки! Короче, вылет с оператором завтра утром! Берешься?

А что мне оставалось делать? Это было хоть что-то. Тайна Тунгусского метеорита, тут еще и авиакатастрофа... Это получше, чем желтые сюжеты, которые клепали мы здесь.

– Что ж, хорошо! – ответил я. – А кто оператор?

– Вася!

– Отлично, – согласился я.

Вася поставил камеру на пол салона ТУ-154, и мы устроились поудобней. Проходящий бортпроводник ткнул пальцем в камеру:

– Вы уверены, что не разобьется? Мы отвечать не будем!

– Конечно! Это самое безопасное место. Я уже не первый раз! – ответил оператор.

– Ну, смотрите! Под вашу ответственность!

– Хорошо-хорошо, под мою! – заверил Вася и сладко зевнул от недосыпа, так как рейс Москва-Красноярск был ранний.

По дороге в аэропорт он мне рассказывал, как встретился с очередной невестой. Эта была молоденькая, высокая и бойкая рыжеволосая девушка, работавшая в сетевой структуре продаж. Торговала каким-то не то соком, не то снадобьем. В общем-то, для сетевой структуры это значения не имеет. Она познакомилась с ним на улице и сразу же пригласила на свидание. Когда он пришел на станцию метро Спортивная, где они договорились, там оказалось еще двое – один длинный и один прыщавый. Оба подозрительно косились на Васю, пока все трое не выяснили, что ждут одну и ту же девушку Лену. Лена выпорхнула из вагона, слегка извинилась за опоздание и потащила всех троих в офис компании. Так как Вася был в некотором шоке, Лена объяснила, что она всегда встречается сразу с двумя-тремя.

А сейчас они идут к ней на работу, где им прочитают интересную лекцию. Так как Лене было всего 18 лет, и она была очень симпатична, отказался идти только длинный. Фамилия ее была довольно смешная, если только Вася ничего не перепутал – то-ли Ебст, то-ли Епрст, вобщем, точно нерусская. Вася и прыщавый проследовали в большой офис, где толпы людей с пакетами, набитыми какими-то коробками, метались с этажа на этаж в поисках выгодных предложений.

Лена, ни слова не говоря, на одних феромонах довела своих жертв до какого-то класса, где уже в напряженной учебе сидели граждане. Веселый преподаватель сходу озвучил двоим новичкам какое-то «выгодное предложение», после которого прыщавый сразу же вышел, так как денег у него не было. В результате естественного отбора остался один ухажер из пришедших, как более состоятельный, – Вася.

– Да, купил там какой-то ерунды у них на тысячу рублей, все равно б в ресторане потратил. А так мы еще с ней уже и в кино ходили!

– Смотри, Вася! – предупреждал я друга. – Заставит тебе квартиру ящиками с каким-то барахлом, потом не отделаешься. Да и в глазах у них только доллары мелькают, по моему!

– Да молодая еще, – урезонивал Вася, – перебесится!

– Ну-ну. – Я не был рад за Васю, так как знал, что все эти сетевые дела добром никогда не кончаются. Так или иначе, а все это сводится к жульничеству. Сам-то он участвовать в этой торговле не собирался, но за друга мне было неспокойно. Вася был наивный и добрый, а она, хоть молодая, а врет как сивый мерин. Взять хоть это свидание с тремя. Разве кого-то она предупреждала, что они идут в эту ее сетевую контору на «мастер-класс»? Естественно, нет, так как иначе никто бы не пошел. Значит, уже первый обман. За ним обязательно последует и второй. Все эти доводы не имели на Васю влияния, так как Лена ему реально понравилась.

Сейчас он устраивался поудобнее в кресле и вспоминал подробности своего последнего с ней свидания, и, как осел из «Шрека», чуть не причмокивал от удовольствия во сне.

Слева от меня через ряд сидела мама с девочкой. У дочки в руках был плюшевый мишка. Она пыталась пристегнуть его своим ремнем безопасности.

– Света, не балуйся! – мама сделала замечание. – Зачем ты его пристегиваешь?

Мама была симпатичной кареглазой брюнеткой, а дочка светловолосой 7-летней красавицей.

– Он тоже пассажир, – резонно ответила девочка. – Правила безопасности одни для всех!

Мама улыбнулась и глянула на меня, так как и я с улыбкой наблюдал эту сцену:

– Первый раз на самолете. Боится – ужас! Еще и в новостях показывают!

– Да, – вздохнул я. – Но, тем не менее, это самый безопасный вид транспорта! – обнадежил я, и это было действительно так. В автокатастрофах гибло гораздо больше людей. – Хотя я вот тоже не первый раз лечу, а все равно побаиваюсь!

– А я не боюсь! – вмешалась девочка. – И он ничего не боится! – кивнула она на мишку.

В полете я перебирал в памяти сюжеты, просмотренные мной по поводу участвовавших авиакатастроф в последнее время. Один из них – особенно острый спор на федеральном канале – всплыл у меня в памяти. Работники авиакомпании

перевозчика пытались успокоить родственников погибших, а те требовали к барьеру главного. Убитый горем отец требовал суда Линча, а корреспондент рассказывал, на каких старых самолетах летают наши летчики. Да, закупают где подешевле 17-летние Боинги и аэробусы – своих – то не производим! Списывают же, обычно, все ошибки на экипаж – ведь не с кого и спросить, раз сами виноваты!

Из Красноярска мы еще летели местными авиалиниями до ближайшего к катастрофе населенного пункта, и им оказался, действительно, поселок Ванавара – тот самый, откуда геологи и искатели приключений всех мастей выступают в поход к месту падения предполагаемого Тунгусского метеорита. Наше же место катастрофы было несколько южнее, километрах в 40 от эпицентра. Остаток дня мы провели разбитые от долгой дороги, но все ж таки пришлось договариваться с вертолетом на завтра, и, кинув вещи в гостинице, мы прошли по пыльным улицам Ванавары. Ничего не изменилось здесь, наверное, за последние 50 лет. Почти все дома деревянные, разве что в магазинах появилась кока-кола и прочие иностранные сникерсы. Местные аборигены иногда встречались на улице, и мне показалось, что все из них были в разной степени пьяны.

Что продавщица магазина, что та сморщенная старушка у кадки с водой, где она полоскала посуду, что старик-эвенк с лицом кирпичного цвета, идущий нам навстречу. Впрочем, была и группа молодежи, катавшаяся на велосипедах. Вот

чего нельзя делать по пьяни, так это кататься на велике – физически просто невозможно. Отсюда я сделал вывод, что эта группа трезва. Да и не было среди них эвенков. Эти бедные северяне так пристрастились к огонь-воде, что из организма она практически никогда не выводилась, а известно, что у чукчей, ханты-манси, якутов и прочих северных народов нет того фермента, который успешно растворяет алкоголь, как у нас, поэтому им достаточно полстакана, чтобы быть целый день свободными.

Мы договорились с вертолетчиком, который уже был в курсе нашей миссии, еще раз проверили амуницию и камеру в гостинице и упали без задних ног отсыпаться перед завтрашним тяжелым днем.

Утром с несколькими командами сибирского телевидения мы были на месте катастрофы.

– Он вот так кружил, как птица! – рассказывал очевидец, местный охотник. – А потом кругами все ниже-ниже и шмякнулся, я только столб пламени увидел.

– Судя по всему в баках было полно горючего! – резюмировал я в кадре.

На месте катастрофы пахло жареным человеческим мясом, поэтому я натянул бандану на лицо. Комары тоже докучали, поэтому это было нелишне.

Мы сняли обгоревший остов самолета, разбросанную и с подпалинами кучу вещей – самолет перевозил кроме людей еще и какое-то оборудование. Сказать наверняка, отчего

случилась катастрофа, пока не мог никто. Трупы уже вывезли, а некоторые еще лежали поодаль, накрытые брезентом.

– Смотри, что нашел! – крикнул я Васе, указывая на маленького плюшевого мишку в пожухлой, местами обожженной траве. Странно, но он совсем не обгорел. Едва заметная подпалина на розовой шерсти была только в районе правого уха.

Вася направил камеру на крупный план мишки:

– Хороший кадр!

– Такой же мишка был у той девочки, что сидела слева от нас, – заметил я.

Вася посмотрел на меня с любопытством и тут же матюгнулся, раздавив на шее комара.

– Только другого цвета – коричневого, – добавил я.

– Что это? – встрепенулся Вася, показывая пальцем на предмет рядом.

Эта был чей-то обугленный ботинок.

– Ботинок, что! – я подошел и ткнул палкой чей-то ботинок.

– Эй, телевидение! Ничего не трогать там! – окрикнул нас полицейский.

– Спокойно, братан, – ответил я. – Кто старший?

– А в чем дело?

– Мы тут нашли кое-что!

– Что такое? – полицейский из оцепления подошел ближе.

– Иди посмотри, это, по-моему, не просто ботинок, там

еще и часть ноги есть. – Я зажал рот и отошел, так как почувствовал, что меня тошнит.

Вася тем временем снимал общий план.

– Ладно, сворачивайся! – скомандовал я. – А то меня сейчас и впрямь вырвет!

Полицейский подошел к нам, когда Вася решил закурить, и попросил сигарету:

– Хорошо хоть запах дождем прибило, – заметил он, закурив. – Я тут два дня в оцеплении. Первый день – вообще кошмар. Такой сладковатый запах, тьфу! – Он сплюнул от души, ослабил железнозубым ртом и поднял козырек надо лбом. – Да еще комары, мать их!

Комары, они же гнус, доставали нас тоже сильно еще в Ванаваре. Благо, там же, в магазине, полно было всяких репеллентов, которыми мы отчаянно намазались.

– Гнус, мокрец, он самый злой. Uniformу вон насквозь прокусывают! Летом вообще смерть. – Рябой полицейский почесал затылок. – Угораздило же долбануться в такой заднице! К нам ведь летел! Оборудование для котельной вез! Вот живешь так на свете, ни о чем не думая, потом кирдык, – философски заметил полицейский. – У меня теща в Москву собралась, теперь, говорит, не полечу!

Из дальнейшего разговора с рябым полицейским выяснилось, что работает он в местном Ванаварском РУВД, что задница эта Ванавара полная. Недавно взорвалась котельная зимой, так весь поселок эвакуировали, температура ж зимой

минус 50! А еще вода из кранов течет с запахом солянки, все местные всегда бухие, и, если бы не геологи и туристы со всего мира, то жизни бы здесь точно не было! Сам-то он здесь всего два года, так как жена отсюда, но надеется скоро уехать куда-нибудь на большую землю.

Поговорив еще немного с милиционером о превратностях судьбы, мы засобирались на вертолет.

– Скажи, брат, – спросил я его. – А выжить-то мог кто-нибудь? Вроде самолет не в воздухе взорвался, а на земле горел! Вон и бортовая дверь открыта!

– Да где ж ему выжить-то? – как-то радостно отвечал служивый. – Кругом тайга, да и взрыв какой был! Не, не выживешь тут. Вон, ща лес прочесали, даже трупов не нашли – все здесь!

– А отчего он упал-то?

– А шут же его знает! Тут и Тунгусский метеорит падал, не то что самолет. Места тут, вообще-то, нехорошие. Охотники туда на север дальше не ходят. Бывает, что и не возвращались многие.

Наш вертолет завелся, и мы с оператором поспешили в кабину.

Я знал, что это еще не сенсация. Ну, разбился самолет – бывает. Вот если б кто выжил, или были б какие загадочные причины катастрофы!

Мы летели над Сибирью. Была середина сентября. Бесконечная зеленая поляна лесов с кое-где желтеющими верхуш-

ками, да изредка воронки озер и топи болот. Жаль было улетать так, не повидав места падения Тунгусского метеорита.

Вася сидел, будто его укачало.

– Че, Вась? Укачало? – спрашиваю.

– Да не, – сморщился он. – Съёмки эти, как вспомню, так э... – показал он на высунутый язык.

– Да ладно, не горюй, прилетим, напьемся, – успокоил я. – Мне еще это в Москве монтировать.

– Это можно.

У нас с Васей был план, секретный. Заготовили мы его еще в Москве. Теперь мы переглянулись, я весело подмигнул ему, и он одобрительно кивнул головой.

Я подсел к пилоту:

– Велика матушка Россия! – кивнул я вниз на леса.

Пилот молча посмотрел вниз.

– Шеф, а че за речка? – спросил я.

– Уша, – ответил пилот.

– А далеко до Тунгусского метеорита?

– Да километров пятьдесят! Минут пятнадцать лету.

Я переглянулся с Васей.

– Может, свернем, шеф? Уж больно посмотреть охота, мы ж с телевиденья!

– Не, ребят, – замотал головой воздушный водила. – Мне потом за отклонение от маршрута так холку намылят!

– Так, а мы не скажем! Зато не обидим, доплатим за горячее!

Пилот ухмыльнулся:

– Да не, ребят, это несерьезно. Час вертолетного времени 800 зеленых стоит!

Мне это было известно, и 800 долларов у меня не было, но я не отступал.

– И сколько же из этих 800 тебе отдадут?

– А нисколько! – весело отвечал вертолетчик. – У меня зарплата 10 тысяч.

– Так мы тебе твою зарплату сразу и выдадим! – предложил я и достал пятеру.

Тоже самое сделал и Вася.

Вид двух красненьких значительно смягчил пилота.

Он ухмыльнулся:

– Зачем вам? Там такой же лес!

– Но мы же с телевидения! Камера, видишь? – вмешался Вася. – Ну, будь другом, а?

Вертолетчик взял бумажки и налег на штурвал.

– Ладно, только туда и обратно, а то у меня времени нет!

Пока Вася менял флешки, мы рассовывали что-то по сумкам, вертолет уже подлетел к месту.

Вася включил камеру и начал снимать вниз.

– Ну что, видно что-нибудь? – спросил я.

– А как же! – радовался Василий. – А где место падения-то? – обратился он к шефу.

– А вот тут под нами! Тут лес молодой, за сто лет вырос. А где болото осталось – там уже не выросло ничего!

Собственно, ничем данное место не отличалось от тех, которые мы пролетали раньше. Вертолетчик был прав – лес он и в Африке лес.

– А пониже нельзя? – попросил Вася. – Где кратер-то?

– Так я ж говорю – все это и есть кратер-то! 2000 квадратов пожгло, все это было сплошной бурелом! А теперь заросло все! Отсюда повала не видно.

– А вон горелое! – направил куда-то камеру Вася. – Черный лес!

– Да то лет 10 назад пожар был! Не от метеорита! – объяснил пилот. – Те деревья уж сгнили давно. Есть, правда, озеро – туда японцы ездят постоянно. Говорят, могло туда упасть. Вон оно – на горизонте справа! Большое!

– Давай к нему! – скомандовал Вася, как будто ехал в такси. – Что, и сейчас они там?

– Нет, те летом все приезжают. Сейчас уж через пару недель октябрь, а там и холода.

Мы полетали над озером и поснимали всяких планов. Пора было лететь обратно.

Когда Вася закончил, он вытер пот со лба и улыбался:

– Ну, вот она, сенсация!

В этот момент в хвостовой винт врезалась крупная птица, мы даже не поняли что. Послышался резкий писк – и вертолет бросило вниз.

Пилот попытался его выровнять и с криком «держиись!» взял штурвал на себя.

Никто не ожидал такого маневра, мы оба отпрыгнули вниз и назад. Я уперся в спинку сиденья, а Васю отбросило к самому борту так, что он ударился головой о металлическую обшивку. Вертолет перевернулся вокруг своей оси, камера вылетела в открытую дверь, а вслед за ней и оператор. Я же чудом удержался за двери. Вертолет резко спикировал вниз. Последнее, что я успел сделать, это отпустить дверь кабины, чуть не попав под лопасти. Меня крутануло и отбросило в сторону от падающей машины. С криком: «Ва-ася!» – я уже падал вниз, пока не шлепнулся в воду.

Где-то рядом крутящийся винт с силой рубил по водяной глади, пока вся груда металла вместе с пилотом не пошла на дно озера.

Я сразу почувствовал холод ледяной воды и кровь, заливающую лицо. Усилием воли я догреб до берега, вылез на гальку и упал без чувств.

Глава четвертая. Один в тайге

Я очнулся. День был в зените. Со лба капала кровь – похоже на легкое рассечение. Мокрая бандана была на шее, я повязал ее вокруг головы в надежде, что кровь остановится. Лицо я умыл водой из озера. Я почувствовал, что одежда на мне сырая, и так долго я не протяну. Тепло начинало выходить из меня. Температура воздуха была градусов 10. Я понял, что если не разведу костер, то мне конец, я просто замерзну.

С собой у меня была пачка промокших сигарет и такая же зажигалка. В кармане мазь от гноса. Я скинул мокрую куртку, под ней была не совсем еще промокшая майка. Разжигать было нечего. Я осмотрелся. Таежное озеро обрамлено желтеющим безжизненным лесом. Лишь кричит в далике филин, да плещется рыба в озере. Мошка тут же садится на шею, лицо, руки. Солнце не закрыто облаками, но больше светит, чем греет. В середине озера еще пузырится вода – то ли большая рыба вздохнула, то ли от погрузившегося на дно вертолета что-то еще отваливалось под водой. Выжил ли кто из наших? Этот вопрос мучил меня прежде всего. Я вглядывался вдаль на берегу, но никого плывущего не увидел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.